

Глава 1

— Э та история начинается с барбекю, — сказала Клементина. Микрофон усиливал и смягчал ее голос, придавая ему выразительность, как бывает с портретом после фотошопа. — Обыкновенное барбекю для соседей на обыкновенном заднем дворе.

Ну, не такой уж обыкновенный тот задний двор, подумала Эрика. Она скрестила ноги и фыркнула. Никто не назвал бы задний двор Вида обыкновенным.

Эрика устроилась в середине последнего ряда зала собраний, примыкавшего к стильно обновленной библиотеке пригорода в сорока пяти минутах езды от города, а не в полчаса, как утверждал служащий таксопарка — уж он-то должен был знать.

В зале сидело, может быть, человек двадцать, хотя имелись складные стулья еще для пары десятков. Большую часть аудитории составляли пожилые люди с оживленными, заинтересованными лицами. Это были осведомленные граждане старшего возраста, пришедшие на собрание общины в это дождливое утро (когда же закончится дождь?), чтобы узнать что-то новое, увлекательное. Им хотелось рассказать детям и внукам о том, что видели сегодня выступление необычайно интересной женщины.

Перед встречей Эрика прочитала на сайте библиотеки описание выступления Клементины. Это была короткая и не слишком информативная аннотация: «С вами поделится своей историей „Один обыкновенный день“ известная виолончелистка, мама из Сиднея Клементина Харт».

Клементина действительно известная виолончелистка? Верится с трудом.

Пятидолларовая плата за нынешнее мероприятие включала в себя лекции двух приглашенных ораторов, восхитительный домашний утренний чай и шанс выиграть в лотерее. Выступающий после Клементины намеревался говорить о спорном муниципальном плане реконструкции местного бассейна. До Эрики доносилось тихое позвякивание где-то неподалеку чашек и блюдец, расставляемых для утреннего чая. Лотерейный билет из тонкой бумаги она держала на коленях, опасаясь, что не сможет сразу отыскать его в сумке, когда лотерея начнется. Голубой, под номером E 24. Непохоже, что он выиграт.

Сидящая прямо перед Эрикой дама с заинтересованным видом наклонила седую кудрявую голову, как будто была заранее готова согласиться со всем, что скажет Клементина. Из-за ворота ее блузки высовывался ярлык. Размер двенадцать. Эрика протянула руку и засунула ярлык внутрь.

Дама повернула голову.

— Ярлык, — прошептала Эрика.

Дама улыбнулась, и Эрика заметила, как розовеет ее шея сзади. У сидящего рядом более молодого мужчины, на вид лет сорока, — возможно, ее сына — на загорелой шее сзади была сделана татуировка в виде штрихкода, словно он продукт из супермаркета. Предполагалось, что это смешно? Иронично? Символично? Эрику так и подмывало сказать ему, что это глупо.

— Был обыкновенный воскресный день, — начала Клементина.

Что она так напирает на слово «обыкновенный»? Вероятно, Клементине хотелось казаться ближе к этим обыкновенным людям из обыкновенных дальних предместий. Эрика вообразила, как Клементина сидит за маленьким обеденным столом или, быть может, за потертым антикварным письменным столом Сэма в своем доме, обставленном в стиле шебби-шик и с видом на воду, как она сочиняет речь для выступления перед общиной, грызя кончик ручки, перекидывая через плечо пышные темные волосы и чувственным движением самодовольно поглаживая их, словно она Рапунцель. А про себя думает: обыкновенный.

Право, Клементина, как сделать так, чтобы обыкновенные люди поняли?

— Было начало зимы. Холодный, сумрачный день...

Какого черта? Эрика заерзала в кресле. День был прекрасным. «Изумительный», как выразился Вид.

Или, возможно, «великолепный». Во всяком случае, что-то в этом роде.

— Мороз просто обжигал, — продолжала Клементина, театрально поевшись, в чем не было никакой нужды.

В зале было настолько тепло, что мужчина в нескольких рядах впереди от Эрики, похоже, задремал. Вытянув ноги перед собой и уютно сложив руки на животе, он откинул голову назад, словно лежал на невидимой подушке. Он жив вообще?

Возможно, день барбекю и был прохладным, но уж точно не сумрачным. Эрика понимала, насколько ненадежны мнения очевидцев. Люди полагают, что просто нажимают на клавишу перемотки миниатюрного магнитофона, установленного у них в голове, в то время как фак-

тически конструируют свои воспоминания. Сочиняют собственные истории. Так что в памяти Клементины день барбекю остался холодным и сумрачным. Но она ошибается. Эрика помнит (именно помнит, а не выдумывает), как в день барбекю Вид наклонился к окну ее машины со словами:

— Какой изумительный день!

Или, может быть, он сказал «великолепный».

Это было слово с положительным смыслом, она уверена.

Если бы только Эрика сказала тогда: «Да, Вид, день и вправду изумительный/великолепный» — и снова нажала на педаль газа!

— Помню, что тепло укутала своих малышей, — рассказывала Клементина.

Вероятно, девочек одел Сэм, подумала Эрика.

Клементина откашлялась и уцепилась обеими руками за края кафедры. Микрофон был установлен чересчур высоко для нее, и создавалось впечатление, что, стараясь приблизить к нему губы, она поднимается на цыпочки. Она вытягивала шею, отчего лицо ее казалось еще более худым.

Эрика подумывала о том, чтобы осторожно пройти вдоль стены и поправить микрофон. Это заняло бы минуту. Она представила себе, как Клементина одаривает ее благодарной улыбкой. «Слава богу, ты это сделала, — скажет она потом за кофе. — Ты просто спасла меня».

На самом деле Клементине совсем не хотелось в тот день видеть там Эрику. От той не ускользнуло промелькнувшее на лице Клементины выражение ужаса, когда она недавно сказала, что хочет послушать ее выступление. Однако Клементина быстро пришла в себя: дескать, как это мило, хорошо и они могут потом вместе выпить кофе.

— Мы получили приглашение буквально в последнюю минуту, — продолжала Клементина. — На барбекю. Мы даже толком не знали хозяев. Они... друзья наших друзей.

Она опустила глаза на кафедру, словно потеряла нить рассказа. Чуть раньше, поднимаясь на кафедру, Клементина держала в руках стопку карточек размером с ладонь. В этих карточках было что-то душераздирающее, как будто Клементина вспоминала подсказки со школьных уроков риторики. Должно быть, она нарезала карточки ножницами. Не теми бабушкиными ножницами с перламутровыми ручками. Те пропали.

Странно было видеть Клементину на сцене, так сказать, без виолончели. Такой обыденный у нее вид в синих джинсах и милом цветастом топе. Прикид мамочки из предместий. Ноги Клементины для джинсов были коротковаты, а балетки без каблучков делали их еще короче на вид. Что ж, всего-навсего факт. Подходя к кафедре, она выглядела едва ли не плохо одетой — пусть даже это слово покажется неблагоприятным по отношению к Клементине. Для выступлений на сцене она зачесывала волосы наверх, обувала туфли на каблучках и одевалась во все черное — длинные широкие юбки из легких тканей, позволяющие зажимать виолончель между колен. Когда Клементина сидела на сцене, со страстью и нежностью склонив голову к инструменту, словно обнимая его, и одна длинная прядь волос едва не касалась струн, а рука изгибалась под странным углом, Эрике она казалась такой чувственной, такой экзотической и непонятной. Каждый раз, видя Клементину на сцене, даже по прошествии всех этих лет, Эрика испытывала чувство потери, словно тоску по чему-то недостижимому. Она всегда уверяла себя, что это чувство сложнее и примечательней зависти, поскольку ее не интересовала игра на музыкальных инстру-

ментах. А возможно, и нет. Может быть, все дело было в зависти.

Наблюдая, как Клементина с запинками произносит свою бессмысленную речь в этом тесном помещении с видом на торговый центр и парковку, вместо того чтобы играть в притихшем концертном зале с высокими сводами, Эрика испытывала то же постыдное удовлетворение, что при виде кинозвезды без макияжа в дрянной лавке. «В конце концов, не такая уж ты особенная».

— Итак, в тот день там было шестеро взрослых. — Клементина откашлялась и качнулась взад-вперед. — Шестеро взрослых и трое детей.

И одна брехливая собака, подумала Эрика. Гав-гав-гав.

— Как я уже сказала, мы мало знали хозяев, но время проводили прекрасно.

Это ты прекрасно проводила время, подумала Эрика. Ты.

Она вспомнила, как чистый, словно колокольчик, смех Клементины вспыхивал и замирал в унисон с приглушенными смешками Вида. Видела, как из плотной тени проступали лица людей с темными провалами глаз и блеском белых зубов.

Вечером на том нелепом заднем дворе долго не зажигались уличные фонари.

— Помню, в какой-то момент зазвучала музыка. — Клементина опустила взгляд на пюпитр перед собой, потом вновь подняла глаза, словно увидела что-то далеко на горизонте. У нее был задумчивый взгляд. Она больше не походила на мамочку из предместья. — «Пробуждение» французского композитора Габриэля Форе. — Разумеется, она произнесла фамилию на правильный французский лад. — Прекрасное музыкальное произведение. В нем звучит такая изысканная скорбь.

Она умолкла. Почувствовала ли она шевеление в рядах, смущение аудитории? Для этой аудитории «изысканная скорбь» была неподходящим выражением, с большой претензией на понимание искусства. «Клементина, радость моя, мы слишком обыкновенные, чтобы понять твои утонченные отсылки к французским композиторам». Как бы то ни было, в тот вечер играли также «November Rain» в исполнении «Ганс энд Роузес». Не так уж претенциозно.

Разве исполнение «November Rain» не было каким-то образом связано с признанием Тиффани? Или это было раньше? Когда в точности Тиффани поделилась своим секретом? Произошло ли это в тот момент, когда на вечеринке все вдруг завертелось быстрее и мы как будто летели с американских горок?

— Мы пили алкоголь, — сказала Клементина. — Но никто не напился. Были немного навеселе.

Она встретилась взглядом с Эрикой, как будто все это время знала, где та сидит, но избегала смотреть на нее, а в какой-то момент решила. В ответ Эрика попыталась улыбнуться, как подруга, ближайшая подруга Клементины, крестная мать ее детей. Но лицо застыло, словно Эрику разбил паралич.

— Как бы то ни было, наступил вечер, мы собирались приступить к десерту, и все смеялись. — Клементина перевела взгляд с лица Эрики на кого-то в переднем ряду, и Эрике стало обидно, как будто ею пренебрегли. — Над чем смеялись, не помню.

У Эрики слегка закружилась голова, и комната вдруг показалась ей невыносимо душной.

Возникло непреодолимое желание выбраться отсюда. Ну вот, подумала она. Вечная история. «Бей или беги». Возбуждение ее симпатической нервной системы. Нару-

шение биохимии мозга. Вот в чем дело. Все совершенно естественно. Детская травма. Она перечитала всю литературу по вопросу. Она в точности знала, что с ней происходит, но от знания толку не было. Организм, предавая ее, поступал по-своему. Бешено колотилось сердце. Дрожали руки. Она ощущала запах детства — густой, настоящий: влага, плесень и стыд.

«Не сопротивляйтесь панике, — говорила ей психолог. — Примите ее. Парите в ней».

У нее был исключительный психолог, но, бога ради, разве можно парить, когда не хватает места, пространства — вверху, внизу, когда и шага нельзя ступить, не почувствовав под ногами гниющую рыхлую пакость?

Она встала, одергивая юбку, прилипшую к ногам. Малый со штрихкодом бросил на нее взгляд через плечо. Участливое выражение его глаз слегка удивило ее, подобно тому как могли бы привести в замешательство умные глаза обезьяны.

— Извините, — прошептала Эрика. — Мне надо...

Указав на часы, она боком протиснулась мимо него, стараясь не задеть пиджаком его затылок.

Когда она дошла до конца комнаты, Клементина произнесла:

— Помню, был момент, когда моя подруга выкрикнула мое имя. Очень громко. Никогда не забуду этого крика.

Не оборачиваясь и положив ладонь на ручку двери, Эрика остановилась. Вероятно, Клементина наклонилась к микрофону, потому что ее голос неожиданно заполнил помещение.

— Она закричала: «Клементина!»

Клементина всегда прекрасно подражала другим людям. Ее музыкальный слух точно улавливал интонации

человеческих голосов. Эрика различила в одном этом слове неподдельный ужас и пронзительную настойчивость: «Клементина!»

Она знала, что была той самой подругой, которая выкрикнула на вечеринке имя Клементины, но не помнила этого. На месте этого воспоминания висела белая пустота. И если уж она не может вспомнить такой момент, значит это говорит о проблеме, аномалии, несообразности — весьма значительной и тревожной несообразности. Приступ паники усилился и едва не сбил ее с ног. Она нажала на ручку двери и, пошатываясь, вышла под неослабевающий дождь.

Глава 2

Были на собрании? — спросил Эрику таксист по дороге в город.

Он отечески улыбнулся ей в зеркало заднего вида, словно умиляясь деловому облику современной женщины, этому официальному костюму.

— Да, — ответила Эрика, яростно стряхивая воду с зонта на пол такси. — Следите за дорогой.

— Слушаюсь, мэм! — Таксист шутливо прикоснулся двумя пальцами ко лбу.

— Дождь, — смущенно проговорила Эрика и указала на дождевые капли, бешено колотящиеся в лобовое стекло. — Дороги скользкие.

— Только что отвозил в аэропорт одного гусака, — сказал водитель.

Он умолк, пока перестраивался на соседнюю полосу. Одну мясистую руку он держал на руле, а другой провел по спинке кресла, отчего в воображении Эрики возник большой белый гусак на заднем сиденье.

— Он считает, все эти дожди вызваны климатическими изменениями. Я сказал ему: мужик, климатические изменения здесь ни при чем. Это Ла-Нинья! Знаете про Ла-Нинья? Эль-Ниньо и Ла-Нинья? Природные явления! Происходят уже тысячи лет.

— Верно, — откликнулась Эрика.

Жаль, что с ней нет Оливера. Он взял бы разговор на себя. Почему водители такси так упорствуют в просвещении пассажиров?

— Угу. Ла-Нинья, — повторил таксист почти с мексиканской интонацией. Ему явно нравилось произносить «Ла-Нинья». — Значит, мы побили рекорд, а? Самый долгий период непрерывных дождей в Сиднее с тысяча девятьсот тридцать второго. Ура, ура!

— Да, — подтвердила Эрика. — Ура.

Это был 1931 год, у нее хорошая память на числа, но поправлять его не имело смысла.

— На самом деле это был тысяча девятьсот тридцать первый, — сказала она.

Ничего не могла с собой поделать — такой уж характер. И она это понимала.

— Ага, точно, тысяча девятьсот тридцать первый, — согласился таксист. — Перед тем было двадцать четыре дня в тысяча восемьсот девяносто третьем. Двадцать четыре дождливых дня подряд! Будем надеяться, что не побьем этот рекорд, да? Или считаете, что побьем?

— Будем надеяться, что нет.

Эрика провела пальцем по лбу. Пот или дождевые капли?

Ожидая такси на улице под дождем, она успокоилась. Дыхание пришло в норму, но живот по-прежнему крутило. Она ощущала упадок сил, как будто пробежала марафон.

Достав телефон, она написала сообщение Клементине.

Извини, пришлось убежать, проблема на работе, ты выступала потрясающе, поговорим позже. Пока.

Потом изменила «потрясающе» на «здорово». Потрясающе — это уж чересчур. К тому же неточно. И нажала на кнопку «отослать».

Не стоило выкраивать драгоценное время из рабочего дня, чтобы послушать Клементину. Она приехала только для того, чтобы поддержать подругу и привести в порядок собственные мысли по поводу случившегося. Воспоминания о том дне представлялись ей пленкой старого фильма, из которого кто-то вырезал определенные кадры. Даже не кадры целиком, а их обрывки. Узкие временные обрывки. Ей просто хотелось заполнить эти провалы, чтобы не надо было признаваться кому-то, что она не помнит всего.

В памяти всплыло собственное лицо в зеркале ее ванной комнаты. Сильно трясущиеся руки, когда она пытается ногтем большого пальца разломить пополам ту маленькую желтую таблетку. Она догадывалась, что провалы в ее памяти связаны с принятой таблеткой. Но эти таблетки ей выписали. Она вовсе не глотала перед вечеринкой экстази.

Она вспомнила, что, перед тем как отправиться на барбекю к соседям, ощущала странную апатию, но это не имело отношения к провалам в памяти. Слишком много выпила? Да. Слишком много выпила. Эрика, посмотри фактам в лицо. Ты была под градусом. Напилась. Эрике не верилось, что это слово относится к ней, но, пожалуй, так оно и было. Впервые в жизни она определенно напилась. Так что, возможно, провалы в памяти объяснялись отключкой из-за спиртного. Как у мамы и папы Оливера. Однажды в присутствии родителей Оливер сказал: «Им не вспомнить целые декады своей жизни» — и оба радостно рассмеялись и подняли бокалы, хотя Оливер даже не улыбался.

— Можно поинтересоваться, чем вы занимаетесь? — спросил таксист.

— Я бухгалтер.

— Правда? — с преувеличенным интересом откликнулся он. — Какое совпадение, потому что я как раз думал...

У Эрики зазвонил телефон, и она вздрогнула, как с ней всегда бывало от звонка. «Эрика, это телефон, — без конца повторял ей Оливер. — Он для того и придуман». Звонила ее мать, с которой сейчас ей меньше всего хотелось говорить, однако таксист ерзал на сиденье, глядя на нее, а не на дорогу и облизывая губы в предвкушении бесплатных советов. Таксисты знают понемногу обо всем. Он рассказал бы ей об одной удивительной лазейке, о которой слышал от своего постоянного клиента. Но Эрика не такой бухгалтер. Она не оценила бы слово «лазейка». Наверное, ее мать — меньшее из двух зол.

— Привет, мама.

— Что ж, привет! Не ожидала, что ты ответишь!

Голос матери звучал возбужденно и вызывающе, и это не обещало ничего хорошего.

— Я приготовилась оставить голосовое сообщение! — с упреком произнесла Сильвия.

— Извини, что ответила, — сказала Эрика.

Ей действительно было неловко.

— Нет нужды извиняться, мне всего лишь надо переключиться. Знаешь, давай ты просто послушаешь, а я сделаю вид, что посылаю тебе подготовленное голосовое сообщение?

— Давай.

Эрика выглянула на залитую дождем улицу: какая-то женщина боролась с зонтом, который норовил вывернуться наизнанку. Эрика смотрела, как женщина, потеряв вдруг терпение и не сбавляя темпа, с восхитительным негодованием запихнула зонтик в урну для мусора и продолжила путь под дождем. Вот это дело, воодушевившись этой сценкой, подумала Эрика. Просто выброси это. Выброси чертову штуковину.

В ухе громче зазвучал голос матери, как будто та переместила телефон.

— Я собиралась начать так: Эрика, дорогая, хотела сказать тебе... милая Эрика, знаю, ты не можешь сейчас со мной разговаривать, поскольку ты на работе, и как обидно, что ты торчишь в офисе в этот прекрасный день — не в том смысле, что погода прекрасная, на самом деле она ужасная, кошмарная, — но обычно в это время года у нас бывают изумительные дни, и часто, просыпаясь и видя в окне голубое небо, я думаю: о господи, как жаль, что бедная, бедная Эрика торчит в такой прекрасный день у себя в офисе! Вот о чем я подумала, но такова плата за карьерный успех! Вот если бы ты была парк-рейнджером или занималась какой-то другой работой на открытом воздухе... На самом деле я не хотела, чтобы ты была парк-рейнджером, — просто это пришло мне в голову, и я знаю почему — потому что сын Салли недавно окончил школу и собирается стать парк-рейнджером, а когда она сказала мне об этом, я подумала: какая чудесная работа, какая умная мысль — быть на воздухе, вместо того чтобы томиться в офисном отсеке, как ты.

— Я не томлюсь в офисном отсеке, — вздохнула Эрика.

Из ее офиса открывался вид на гавань, и секретарша каждый понедельник покупала свежие цветы. Она любила свой офис. Любила свою работу.

— Знаешь, это была идея Салли. Чтобы сын стал парк-рейнджером. Очень умно. Она не консервативная, Салли нестандартно мыслит.

— Салли? — переспросила Эрика.

— Салли! Моя новая парикмахерша! — нетерпеливо произнесла мать, будто знала Салли много лет, а не пару месяцев.

Как будто Салли станет ей подругой на всю жизнь. Ха! Салли пройдет тем же путем, что и все прочие чудесные незнакомцы в жизни матери.

— Так что еще было в твоём сообщении? — спросила Эрика.

— Дай вспомнить... потом я собиралась сказать, как бы случайно, как будто только что подумала об этом: «Ой, послушай, дорогая, кстати!..»

Эрика рассмеялась. Мать всегда очаровывала ее, даже в плохие времена. Стоило Эрике подумать, что с нее довольно, она больше не выдержит, как мать вновь очаровывала ее, заставляя полюбить себя.

Мать тоже рассмеялась, но ее смех прозвучал нервно и визгливо.

— Я собиралась сказать: «Послушай, дорогая, я вот подумала — не хотите ли вы с Оливером прийти ко мне на обед в воскресенье?»

— Нет, — ответила Эрика. — Не хотим. — Она задышала прерывисто, как через соломинку. Задрожали губы. — Нет, спасибо. Мы приедем к тебе пятнадцатого, мама. И ни в какое другое время. Мы же договаривались.

— Но, милая, я думала, ты будешь так гордиться мной, потому что...

— Нет. Встретимся с тобой в другом месте. Можем пообедать в воскресенье в каком-нибудь приятном ресторане. Или можешь приехать к нам. У нас с Оливером ничего не запланировано. Можем пойти вместе куда угодно, но мы не пойдем к тебе домой. — Помолчав, она повторила эту фразу снова, громче и четче, словно говоря с человеком, плохо понимающим по-английски: — Мы не пойдем к тебе домой. — (Воцарилось молчание.) — До пятнадцатого, — сказала Эрика. — Это записано в ежедневнике. В обоих наших ежедневниках. И не забудь, что в четверг вечером у нас запланирован ужин с родителями Клементины! Мы этого тоже будем с нетерпением ждать. Вот повеселимся-то!

— Я хотела опробовать новый рецепт. Я купила книгу аглютеновых рецептов — говорила я тебе?

Ох уж этот легкомысленный тон. Преднамеренная живость, рассчитанная на то, что Эрика откликнется на ее игру, в которую они играли все эти годы и в которой обе притворялись обычной матерью и дочерью, ведущими обыкновенный разговор. А мать между тем понимала, что Эрика больше не играет, и обе сходились на том, что игра окончена. Мать рыдала, извинялась и давала обещания, которые, как знали они обе, никогда не выполнит. Но теперь вот она делала вид, что никогда не давала обещаний.

— Мама, боже правый!

— Что?

Притворная наивность. Приводящий Эрику в бешенство детский голосок.

— Ты обещала на могиле бабушки, что не станешь больше покупать книги рецептов! Ты не готовишь! У тебя нет аллергии на глютен!

Почему голос у нее дрожит от возмущения, если она никогда не ожидала выполнения этих напыщенных обещаний?

— Я не давала такого обещания! — заявила мать нормальным, недетским голосом, набравшись дерзости с негодованием ответить на возмущение Эрики. — По сути дела, последнее время я мучаюсь от ужасного метеоризма. У меня непереносимость глютена, благодарю тебя! Извини, что докучаю тебе проблемами своего здоровья.

Не реагируй. Не поддавайся на эмоциональные провокации. Именно в таких случаях мать расходует тысячи долларов на лечение.

— Ладно, мама, приятно было поболтать, — не давая матери возможности ответить, быстро, как агент по телемаркетингу, проговорила Эрика, — но я на работе, мне пора. Поговорим позже.

Она быстро дала отбой и уронила телефон на колени.